

Т. В. Старецкий

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ

Владимир Даль использовал своё литературное творчество в качестве средства для передачи языковедческих, этнографических, философских и других наблюдений. Художественный мир писателя наполнен картинками из русской жизни, которая отражается в самых разных формах. Это социальные отношения, выраженные посредством драмы, и психологическая эволюция героя, и философское осмысление естественных явлений. Как лексикограф писатель использует речь своих героев и повествователя, всячески иллюстрируя «живость» русского языка, используя её для обучения, развития, развлечения читателя.

Литературное творчество В. Даля в настоящее время изучается разносторонне. Т. Г. Леонова, И. П. Лупанова, К. Г. Тарасов, Н. Л. Юган и др. исследуют сказочный материал с выделением жанровой специфики произведений. М. М. Радецкая, С. И. Равикович, Ю. М. Акутин освещают идейно-нравственную и психологическую стороны повестей. Помимо этого, ряд литературоведов (М. Я. Бессараб, В. А. Парсиева, В. И. Порудоминский, Ю. П. Фесенко, С. В. Путилина, А. В. Морозова, Н. Л. Юган) отмечают плотную связь литературного творчества писателя и собранного им лексико-этнографического материала. Говоря о языковых средствах художественного изображения в произведениях В. Даля, следует отметить особенность их использования в качестве создания комизма повествования.

Языковые средства комизма применяются писателем, начиная с его раннего творчества (1820-е гг.). Смеховой пафос сказок («Об Иване молодом сержанте», «О Емеле-дурачке» и др.), повестей («Бедовик», «Похождения Виольдамура» и др.), рассказов и очерков составляют комизм речи персонажа, авторской речи, языковые метаморфозы в виде макаронизмов, слов-перевёртышей, а также особенности российских наречий и произношения с акцентом. Частота использования указанных средств даёт возможность выделить их на фоне общей картины художественного смеха в творчестве автора и определить цель статьи: определить и охарактеризовать языковые средства комизма в творчестве В. Даля.

В сказочных произведениях 1830-х гг. писатель прибегает к фольклорным и литературным средствам для осмеяния властей в лице их представителей. Помимо обличающего сарказма В. Даль использует приём базарных артистов, описанный П. Богатырёвым [1, с. 466], – вкрапление иноязычной лексики в макароничной форме: «Нет вам пардону!» [2, т. IX, с. 23]. А также – паронимии: губернатор в «валентиновом халате, с парламентёром на шее, <...> выскочил из терема своего в три аванжа (этажа. – Т. С.) на балахон (балкон. – Т. С.) и старался усмотреть в подозрительную (подзорную. – Т. С.) трубу подступающего неприятеля» [Там же, с. 11]. Так, искажение внешней формы слов, увязываясь с образом персонажа, неизменно ведёт к искажению восприятия объекта описания, чем доводит представление о нём до гротескного уровня. В сказке «О Рогволоде и Могучане» используется намеренная ошибка в слове из чужого языка на манер просторечия: «фалетор» вместо «форрейтер» с последующей сноской на правильный вариант слова с оговоркой. Комический эффект в данном случае достигается посредством использования внетекстового пространства

Д. Лихачёв, исследуя тему русского скоморошества, отмечает, что «балагур <...> даёт неверную этимологию или неуместно подчеркивает этимологическое значение слова» [3, с. 21], что придаёт повествованию характерный комически искажённый оттенок. В конце сказки «Емеля-дурачок» автор предлагает своего рода послесловие, в котором в речи сказочника звучит слово «растарация», вместо «ресторация» [2, т. IX, с. 163] (позже в рассказе «Полукаменный дом» (1848) автор употребит слово «растирация», таким способом издеваясь над «чужесловом»).

В повестях В. Даля языковой комизм находит своё продолжение. Например, в этнографической повести «Бикей и Мауляна» (1836), описывая феномен видений, являющихся путникам в пустынях, автор называет разные варианты слова: «<...> у Арабов *сараб*, у Кайсаков *мунар*, у Французов и Русских *мираж*, а у, извините, – простолюдина, *марево*» [Там же, т. VII, с. 288]. Ироническое увязывание неграмотного простолюдина с родным языком – сатира на светскую русскую речь, избыточную «чужесловами» как данью моде на европейский образ жизни.

В повести «Бедовик» (1839) речь повествователя прерывается на размышления: «<...> вновь приезжая барыня, или как её называют, дама, а почему бы не краля?» [4, с. 23]. Иронизируя по поводу заискивания людьми перед вышестоящими по чину, автор подчёркивает простоту, с которой он смотрит на подобного рода явления – строгость названия социального статуса, поставленного в один смысловой ряд с простоватым пониманием слова «дама», подвергается таким способом сомнению. «Краля» в Словаре Даля толкуется как слово, шуточно используемое для названия игральных карт. Краль и краля – «король и королева» [5, т. II, с. 184]. Некоторые слова в речи другого героя – Горюнова относятся к юмористическому средству передачи образа. На вопрос, где он взял эти билеты, Корней переспрашивает: «Которы? Эвти?» В данном случае автор не прибегает к коверканью языка, а передаёт некоторые особенности простонародного говора. На примере виденного протокола В. Даль смеётся над неспособностью построения мысли. «Такой-то противозаконно застрелился, от чего ему от неизвестных причин приключилась смерть <...>» [4, с. 30]. Автор, перечисляя выдержки из документов, делает это без доли удивления, иронизируя лишь по поводу частоты возникновения подобного. «Такой-то, едучи на телеге по косоугору, при излишнем употреблении горячих напитков, спотыкнулся и от нескромности лошади был разбит»; что «такой-то, от тяжких побоев, не видя глазами зрения, впал в беспамятство»; что «в таком-то уезде, статистических сведений не оказалось никаких, о чём и имеет счастье всепочтительнейше донести» – и прочая, и прочая, и прочая <...>» [Там же]. Приводя отрывки из документов, автор смеётся над глупостью и невежеством, развлекая читателя вычурностью синтаксиса.

Комизм речи, основанный на её безграмотном употреблении, использовался В. Далем и ранее. В комедийной пьесе «Медведь в маскараде» (1822) изображены представители высших слоёв общественной пирамиды, язык общения которых создаёт эффект юмористического комизма по причине его несоответствия литературным нормам. Речь членов семьи отставного полковника избыточна искажённой лексикой. Например, обращение жены полковника приёмному сыну, как к «Андрюшиньке», слова самого Андрюши: «О, нет, это не годится ни куда» [6, с. 453]; «Тут всякая прозба – потерянные слова» [Там же, с. 461], а также: «Что такой?» [Там же, с. 466]. Хладовского, зятя полковника, называют «философом», при том что он сам произносит это слово подобным образом: «Я всегда старался вести себя, так сказать, как следует истинному философу – человеку вникнувшему, разобравшему,

анализировавшему» [Там же, с. 469]. Все герои произносят слово «маскарад» как «маскерад».

В повести «Похождения Виольдамура» (1844) на примере речи Иван Иваныча писатель изображает возможности человеческой безграмотности и представляет её в комическом свете. Речь сатирического героя, помимо того, что несвязна, наполнена бессмысленным употреблением слова «суть». «Акулина Петровна! случай был у нас, матушка, вот таки сущая суть: иду я, то есть, от перевозу, так вот, под забором: хотел по делишкам проведать: а уж маленько смеркалось, признаться, – вдруг, матушка, фырк из-под ног собака; таки вот собака, да и полно. Я гляжу, что за притча! откуда ей взяться тут – собака не суть важность, да взяться ей неоткуда, таки ей Богу неоткуда – гляжу вот – шмыг только из-под ног, и нет её. Я перекрестился, думаю: Ах ты, Господи! – тут ещё человек случился, прохожий какой-то: видно из ливрейных должен быть, – и он тоже смотрит на меня, глядит, и я говорю ему: ведь оборотень? Оборотень, говорит. Ах ты, Создатель, подумаешь... оборотень и есть, ей Богу, матушка, оборотень; вот что!» [7, с. 78 – 79]. Автор, как бы играя с лексикой этого персонажа, говорит о нём в его стиле речи. Например, ничто при работе не могло заставить его потерять из виду «самую суть». А если дело, по его мнению, решалось не по справедливости или без «наружной законности», то говорил: «Экие, подумаешь, смелые на свете люди суть – даже не то что Бога, а никого не боятся!» [Там же, с. 75].

Насмешка над заимствованиями звучит из уст Акулины – няньки Христиана: слово «департаментские» в её исполнении произносится как «липартаментские» [Там же, с. 69]. В рассказе «Нянина молодость», изданном в 1874 г., речь героини-простолюдинки изображает такое же незнание неологизма Рассказывая об Отечественной войне 1812 г., она говорит: «<...> слышно-де, что француз поблизости миродерничает <...>» [8].

В физиологию «Уральский казак» (1841) писатель также внедряет свои лингвистические наблюдения. «Побуждение природы, которое мы, не зная по-русски, взяли из словаря иностранного и назвали инстинктом, слово, впрочем, очень приятное – Маркиан Проклятое, не зная ни по-французски, ни по-немецки, называет *побудкой*. Ему это простительно» [4, с. 105]. Подобная форма авторской иронии уже неоднократно наблюдается в его произведениях. «Прощая» казаку простоту речи, писатель не первый раз указывает на надуманную «сложность» формирующегося литературного языка и на его носителей.

Развивая тему невежественного искажения русской лексики в своём литературном творчестве, писатель излагает мысли по этому поводу в научных статьях («Русский язык», «Полтора слова о нынешнем русском языке», «Недовесок к статье «Полтора слова ...»). В русской литературе, начиная с XVIII в. («Бригадир» Д. Фонвизина, «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Похождения Столбикова...» Г. Квитки, «День опричника» В. Сорокина и др.), также можно часто встретить недоумение и иронию автора по поводу бессмысленности использования искажённой иноязычной лексики вместо родной.

В физиологии «Чухонцы в Питере» (1841), подчёркивая несостоятельность отличить некоторые северные народности от поволжских, а также выделить среди них русских по внешним признакам, В. Даль приводит характерные особенности говора, которые всё ещё служат знаком отличия: «Там, где народ говорит: «это такая благая путь» [9]. Автор физиологии в целях построения комизма использует речевые особенности народов России. «Слабосильные чуваша и черемисы весьма охотно называют себя русскими, принимают русскую стрижку и носят рубашку по русскому обычаю, сознаваясь, однако же, в унижении своём, что из них вышел доселе только «дрянная русская человека, но авось, Бог даст, выйдет и

матёрая» [Там же]. Помимо грамматического несоответствия, слово «авось» на устах «нерусского» звучит вычурно, что дополняет юмористический оттенок речи.

В физиологии «Находчивое поколение» (1843) В. Даль обращается к комизму речи повествователя. В данном случае простонародное слово граничит с иронией: «Два дня спустя наш Петитом сидел уже в огромной бричке, среди мадамы, двух девок и пятерых детей, расстилался в любезностях, смешил и увеселял всех <...>» [10, с. 280]. А позже, Петитом, узнав «<...> от мадамы, что в Петербурге учителей много» [Там же, с. 282]. Образ Петитома раскрывается также посредством его речи. «Один маленький собачка с великий злость / Грыз кость / Маленький собачка отвечал: / Мне хозяин давал. Нравоучение: Следовательно, ничего не должно делать без позволения <...>» [Там же, с. 287]. Речь персонажа комична по причине нарушения русской грамматики, а также на семантическом уровне, который показывает несравнимость европейского и российского юмора

Например, в комедийной пьесе «Невеста в мешке, или Билет в Казань» (1821), где речь татарина Хамета, денщика, искажена акцентом: «Я, сударынь, кадил бул на ричка, тут сгритл мне какуй-то барин с ружьям, он утдал мне, сударынь письма, не приказал никаму сказыть» [7, с. 421]. Речь евреев Лейбы и Рахель также искажена, но уже по принципу смешения наречий: «Мине було треба самому. – Бери и с его пятак, вино тоби ничего не заплатило <...>. А цю, Лейба, чи ты продау свои платки» [Там же, с. 427]». Комизм речи еврея Ицьки в авторской сказке «Про жида и цыгана» (1835) также заключается в смешении нескольких языков и наречий.

В произведениях, вошедших в цикл «Картины из русского быта», также встречаем смех, основанный на языковых средствах.

В сатирическом очерке «О котях и козле» (1839) в речь «кота» вносится словосочетание: «Что дело, то дело, и это *суть резонт*» [11, с. 255]. Автор посредством языкового комизма осмеивает речь русской аристократии, бездумно употребляющей чужие слова («резонт» – слово, употреблённое ни по-русски, ни по-французски), не различая правил родного языка (вспомогательный глагол «суть» употребляется только с существительными во множественном числе и является тождесловом глагола «быть», например, «жили-были (суть) старик со старухой»), Даль наделяет героев «картин» нарочито искажённой речью, народными говорами, которые звучат смешно в силу художественности и простого несоответствия литературным нормам языка. Например, в рассказе «Фокусник» (1857) речь повествователя содержит некоторые детали, которые звучат вычурно. «Мы вошли в первую комнату этой половины: палевые, шелковые обои, с белыми разводами; мебель ореховая, резная, новейшего вкуса» [12]. Очерк «Бесчестье» (1857), помимо главной темы (особенности процесса сватовства), служит средством представления вниманию русских наречий. Например, сосватав дочь, отец говорит: «Ну, дощынька, <...> рядись, женишок есть, <...> ладно, что ли?» – «Цаво ладно?» [11, с. 92]. Прямая речь персонажей далее в рассказе передаётся без изменения («А по что не хошь?»; «запимсы», «вместо запивши», то есть, закрепив уговор застольем), авторская речь для передачи территориальной атмосферы также содержит те же простонародные слова. Например, «<... > кто из своих был туту», «<... > объявив ещё раз, что дощынька нейдёт <...>», «цегвертачок» [Там же, с. 95]. Несмотря на то, что авторское объяснение об особенностях произношения следует сразу за первыми словами этого говора, комичность такой речи основывается на несоответствии литературным нормам языка в рамках звукового строя. Так как в этом стиле написан весь рассказ, то это наделяет реалистическое произведение юмористическим элементом, основанном на несоответствии звуков, что указывает в сторону забавного изображения, а не уродливого. В свою очередь в творчестве В. Даля есть вещи («Савелий Граб ...», «Уральский казак», «Говор», «Колдунья», «Прадедовские ветлы»), которые

призваны именно передать особенности говора, а не рассмешить посредством их. В последнем рассказе наряду с изображением особенностей территориального наречия приводятся примеры разговорного языка «Бачка» вместо батюшка, «баушка» вместо бабушка. Опускание букв создаёт эффект комизма речи, давая визуальное и звуковое представление о произношении такого рода слов. В очерке «Греки» (1861) писатель предлагает особенности говора русских греков, которых часто можно встретить на черноморском побережье. «Мы греки, цесны целовеки, купили рыбы для мы, а он скусал для я» [13]. А также: «ветер не ветрил, мельница не мелил; а сколько есть мука и пшеница, – смотри, пожалуйста, на старый рапорт» [Там же].

Следует учесть, что подобные искажения языка писатель вводит в текст без изменения и вымысла, так как цель здесь не юмор, а передача особенностей акцента. При этом смех – неотъемлем, так как при несоответствии норм говорения и произношения возникает комизм речи.

В рассказе «Адмирал Крон», вошедшем в сборник «Матросские досуги», писатель использует речь как средство для создания юмористической детали в образе героя, который, будучи недовольным чем-либо, говаривал: «Какой это караб! Это стыдно для видно; какой это матрос – кажни человек ничего не знает; это карашо для ничево!» [14, с. 99]. Комизм речи в данном случае основывается на вычурности постановки предложения, на особенностях произношения, переданных посредством «знаменательных» фраз Крона.

В бытовой новелле «Борона» из цикла «Два сорока бывальщинок для крестьян» смеховой пафос включает в себя комизм положения, а также комизм речи персонажей. Их разговор состоит из нескольких повторяющихся фраз, мало чем отличающихся одна от другой. Действие происходит в крестьянской избе, муж делает борону, жена «сидит за куделькой». «Так что ли хозяйка?» – спросил он. – Сам ты знаешь, что так, отвечала она «Так-то так <.,>, да вон-то как» [15]. Сделав борону, «<...> ещё раз пяток приставал к хозяйке, что так ли, да вон-то как будет! А она ему всё то же» [Там же]. В итоге оказалось, что борона не может быть вынесена из дома, а хозяйка, по словам мужа, виновата в том, что отвечала на вопрос неосознанно. На недоумение жены хозяин отвечает: «Нет, врѣшь; я тебе и толковал: так-то так, да вон-то как? – а ты всё знай своё: «коли тут так, то и вон так <...>» [Там же]. После этого объяснения хозяйка, по словам автора, понимает, в чём она ошиблась. Комизм речи выражен в максимальной смысловой нагруженности одних и тех же слов. Истинный диалог персонажей происходит не вслух, а на уровне их понимания друг друга. Даже при объяснении «тонкостей» сказанного супруги прибегают к минимальному привлечению слов, отличных от уже произнесённых.

Традиционный для далевского творчества языковой комизм в произведениях нижегородского периода встречается реже (несколько случаев использования). В книгах для народного чтения – эти средства (ирония по поводу заимствований, нарочито упрощённая речь персонажа, несоответствие литературным нормам) сведены до минимума, с целью передачи особенностей образа.

В. Даль как этнолингвист и лингвокультуролог «чувствует» слово, «видит» его, предлагая читателю всевозможные видоизменения лексической единицы. В процессе авторской словесной «игры» возникает эффект комизма, основанного на несоответствии литературным нормам произношения, правописания, синтаксиса. Писатель использует комизм речи одновременно для увеселения и ознакомления с особенностями говора. Сатирический смех над бездумным использованием «чужесловов», над безграмотностью и вычурностью речи создаётся посредством наделения персонажа или повествователя словарным запасом, отражающим эти явления в обиходе. В сказочных произведениях – это скоморох, злорадствующий и потешающийся над бичуемыми типажам с помощью нарочито искажённой лексики, в очерках, рассказах и повестях – это выходцы из простонародья, в силу собственной

«необразованности» произносящие слова-заимствования с ошибками, которые автор им прощает. Также это может быть авторская оговорка с оттенком иронии по поводу использования русского слова, вместо иноязычного. Безграмотная, нагружённая лишними словами речь персонажа служит средством сатиры на чиновника и средством развлечения одновременно.

Элементы говора или наречия дополняют портрет местности из глубин России, одновременно привнося юмористический оттенок в повествование или образ. Речь иностранцев также можно отнести к дополняющему портрет элементу, смешавшему своей одновременной чопорностью и нелепостью.

В целом можно выделить далевский комизм на фоне литературного смеха XIX ст. как опирающийся на языковедческий опыт писателя. Конечно, эта сторона смехового пафоса в творчестве В. Даля не является основным источником комических средств (в его произведениях можно встретить комизм внешности, действия, мысли и др.), кроме того, некоторые писатели (Д. Фонвизин, Н. Гоголь, Г. Квитка) также применяют звуковые особенности чужесловов в русском языке для создания комического тона. Отличием далевского языкового комизма является регулярность его использования и широкий круг средств, что позволяет обособить его комический стиль на фоне остальных литераторов.

В дальнейшем представляется возможным проследить движение литературы в направлении языкового комизма, а также исследовать творчество современных литераторов с целью сопоставления средств создания языковедческого смеха.

Литература

- 1. Богатырёв П. Г.** Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырёв. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.
- 2. Даль В. И.** Собр. соч. : в 10 т. / В. И. Даль. – СПб.; М.: М. О. Вольф, 1898.
- 3. Лихачёв Д. С.** Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
- 4. Даль В. И.** Избранные произведения / В. И. Даль; сост. Н. Н. Акоповой; вст. ст. Л. П. Козловой, примеч. П. Петушкова. – М.: Правда, 1983. – 448 с.
- 5. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989.
- 6. Даль В. И.** Повести и рассказы / В. И. Даль. – М.: Сов. Россия, 1983. – 432 с.
- 7. Владимир Даль** в счастливом доме на Пресне : сб. ст. / отв. ред. Г. А. Богданова, чл.-кор. РАН Ю. Л. Воротников; сост. Р. Н. Клеймёнова. – М.: Academia, 2010. – 560 с.
- 8. Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ni/dahl/html/pdf/NANM074.pdf>.
- 9. Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ru/dahl/html/pdf/СНРПТ.pdf>.
- 10. Даль В. И.** Беглянка; Избранная проза / В. И. Даль. – СПб.: Азбука, 2010. – 448 с.
- 11. Даль В. И.** Картины из русского быта. Автобиографические записки, В. И. Даль в воспоминаниях современников / В. И. Даль. – М.: Новый ключ, 2002. – 479 с.
- 12. Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.pMolog.ru/dahl/html/pdf7FOKUS57.pdf>.
- 13. Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ru/dahl/html/pdfi/GREKI61.pdf>.
- 14. Даль В. И.** Матросские досуги : рассказы / В. И. Даль; сост., предисл., обраб. для детей и словарь Л. Асанова; худож. Л. Фанин. – М.: Дет. лит., 2010. – 206 с. : ил.
- 15. Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]

/ В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ru/dahl/html/pdf/SBORONApdf>

Стаття присвячена вивченню особливостей мовного комізму в літературній творчості В. Даля. Письменник, удаючись до сміхового пафосу, передає в своїх творах мовознавчі спостереження. Лінгвістичний сміх зустрічається в казках, повістях, розповідях і фізіологіях автора.

Ключові слова: мова, комізм, казки, повісті, фізіології.

Статья посвящена изучению особенностей языкового комизма в литературном творчестве В. Даля. Писатель, прибегая к смеховому пафосу, передаёт в своих произведениях языковедческие наблюдения. Лингвистический смех встречается в сказках, повестях, рассказах и физиологиях автора.

Ключевые слова: язык, комизм, сказки, повести, физиологии.

The article is devoted to the study of linguistic features of the comic elements in V. Dal' literary creation. The writer is resorting to the tougher pathos, reports linguistic observation in his works. A linguistic laughter is met in author's fairy-tales, stories, stories and physiologies.

Keywords: language, the comic element, fairy-tales, stories, to physiology.

Стаття надійшла до редакції 05.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Унукович В. В.

УДК 81'23

Л. В. Туленинова

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ

Тот факт, что интерес лингвокультурологов фокусируется на изучении специфического в составе ментальных единиц и направлен на *накопительное* и *систематизирующее* описание конкретных культурных концептов объясняет стремление исследователей произвести их типологизацию и классификацию [1 – 5].

Цели такого рода исследовательской работы, на наш взгляд, можно объединить в три группы:

- практические (упорядочение экспериментальной работы, систематизация полученной в процессе исследований фактической информации, определение и поиск новых направлений исследования);

- теоретические (усовершенствование категориального аппарата лингвоконцептологии, подведение теоретической базы под экспериментально-исследовательскую работу для выявления новых, все более эффективных и продуктивных подходов к изучению объекта данного научного направления за счет расширения и углубления предметной области лингвоконцептов);

- методологические (возможная коррекция старых и развитие новых методов и методик исследований).

Как отмечает С. Г. Воркачев, несмотря на относительное единство лингвоконцептологов в понимании объекта своего научного интереса как «некого